

Пенелопа Фицджеральд

Книжная лавка

*От доброго сердца
мало проку*

ЛУЧШЕЕ
ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ
ЛАУРЕАТОВ
МИРОВЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ

Лучшее из лучшего. Книги лауреатов
мировых литературных премий

Пенелопа Фицджеральд
Книжная лавка

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Фицджеральд П.

Книжная лавка / П. Фицджеральд — «Эксмо»,
1978 — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых
литературных премий)

1959 год, Хардборо. Недавно овдовевшая Флоренс Грин рискует всем, чтобы открыть книжный магазин в маленьком приморском городке. Ей кажется, что это начинание может изменить ее жизнь и жизнь соседей к лучшему. Но не всем по душе ее затея. Некоторые уверены: книги не могут принести особую пользу – ни отдельному человеку, ни уж тем более городу. Одна из таких людей, миссис Гамар, сделает все, чтобы закрыть книжную лавку и создать на ее месте модный «Центр искусств». И у нее может получиться, ведь на ее стороне власть и деньги. Сумеет ли простая женщина спасти свое детище и доказать окружающим, что книги – это вовсе не бессмыслица, а настоящее сокровище?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Фицджеральд П., 1978
© Эксмо, 1978

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пенелопа Фицджеральд

Книжная лавка

Penelope Fitzgerald

THE BOOKSHOP

Copyright © Penelope Fitzgerald, 1996

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

* * *

Одному моему старому другу.

Глава первая

В 1959 году у Флоренс Грин все складывалось так, что порой она не могла с уверенностью сказать, спала ли сегодня ночью. Виной тому были бесконечные волнения по поводу того, стоит ли ей покупать небольшой участок земли со Старым Домом и сараем на берегу, вполне пригодным под склад, чтобы открыть в этом доме книжный магазин, единственный в Хардборо. Возможно, именно неуверенность и не давала ей спать по ночам. Однажды Флоренс видела, как цапля, летевшая над эстуарием, прямо на лету пыталась проглотить только что пойманного ею угря. Но угорь из всех сил сопротивлялся, стремясь избежать прискорбной участи проглоченного, и время от времени ухитрялся высунуться из длинного клюва цапли то на четверть, то на половину, а то и на три четверти. Однако оба существа проявляли нерешительность, и это было поистине достойно жалости. Каждому, похоже, его задача оказывалась не по силам. И теперь Флоренс казалось, что если она и впрямь ночью *глаз не сомкнула* – кстати, люди часто так говорят, хотя имеют в виду нечто совсем иное, – то уснуть ей наверняка не давали мысли об этой цапле.

Сердце у нее было доброе, но от доброго сердца мало проку, когда речь идет о самосохранении. Более восьми лет из той половины жизни, которую она уже успела прожить, она провела в Хардборо; жила она на очень небольшие деньги – покойный муж оставил ей крошечное наследство – и лишь недавно начала задумываться о том, что неплохо было бы уяснить для себя, правильно ли она живет, а потом, возможно, дать это понять и окружающим. Собственно, в холодной и чистой атмосфере Восточной Англии умение выжить считалось зачастую тем единственным, что можно требовать от человека. Убей или полностью исцели – так считали тамошние жители; либо долгая старость, либо мгновенная смерть и упокоение в соленой земле на заросшем травой церковном кладбище.

Флоренс, с виду маленькая и худенькая, была на самом деле довольно крепкой и жилистой, но в целом весьма неприметной, если смотреть спереди, и уж совсем неказистой, если смотреть сзади. О ней и сплетен-то особых не было – а ведь в Хардборо каждый человек на виду и все увиденное непременно обсуждается. Даже зимой и летом в одежде у нее мало что менялось. Зато все сразу узнавали ее зимнее пальто – это пальто принадлежало к тому типу одежды, о каком говорят: «год продержится, и хорошо».

В 1959 году в Хардборо еще не было ни закусочной «Фиш-энд-чипс», ни прачечной, ни кинотеатра (правда, раз в две недели по субботам кино все же показывали), хотя потребность во всем этом и ощущалась; но, уж точно, никому и в голову не приходило, что миссис Грин – именно она! – вздумает открыть в городе книжный магазин.

– Я, разумеется, в данный момент не могу дать вам конкретного ответа – решение зависит не от меня, а от руководства банка, – но надеюсь, что принципиальных возражений против предоставления вам кредита не возникнет. Правда, до сих пор имелись определенные правительственные ограничения по предоставлению кредита частным лицам, но сейчас появились явные признаки послабления – тут я никаких государственных секретов не выдаю. Конкурентов у вас, само собой, либо не будет совсем, либо их будет очень мало – во всяком случае, те несколько романов, которые, как мне сообщили, выдают для прочтения в магазине шерстяных изделий «Трудолюбивая пчелка», конкуренции вам не составят. К тому же вы уверяете, что у вас имеется значительный опыт в книготорговле.

И Флоренс, готовясь в третий раз объяснить, что она под этим подразумевает, снова вспомнила, как двадцать пять лет назад они с подругой начинали работать в книжном магазине Мюллера на Вигмор-стрит в должности «помощник продавца», и у обеих на голове был аккуратно уложенный перманент, а на грудь свисал неперменный карандашик на цепочке.

Лучше всего она помнила те моменты, когда мистер Мюллер, призвав всех к молчанию, громко, с рассчитанными паузами, зачитывал вслух список продавцов и их помощников, которым по жребии выпало закрывать счета и проверять количество проданного товара. Тогда сильно не хватало парней, с которыми можно было пойти на свидание, и Флоренс очень повезло, что она не только нашла себе пару, но и в 1934 году вышла замуж за Чарли Грина, частенько покупавшего у нее сборники поэзии.

– Да, в молодости мне удалось довольно тщательно изучить это дело, – сказала она. – И вряд ли с тех пор торговля книгами в своей основе претерпела какие-то особые изменения.

– Но ведь на руководящей должности вы никогда не служили и самим процессом не управляли, не так ли? И вот тут, пожалуй, мне стоило бы кое-что вам рассказать. Можете, если угодно, назвать это дружеским советом.

В Хардборо появилось крайне мало новых предприятий, и одно лишь упоминание о чем-то подобном взволновало застойную атмосферу банка, как свежее дыхание моря, проникшее даже в самые отдаленные уголки суши.

– О, я, право же, не должна отнимать у вас столько времени, мистер Кибл.

– Уж позвольте мне самому судить, есть ли у меня на это время. По-моему, прежде всего, намереваясь открыть книжный магазин, вы должны подумать вот о чем: какова истинная цель этой затеи? Это самый первый вопрос, который следует себе задать, начиная любой бизнес. Надеетесь ли вы оказать нашему городку некую действительно ему необходимую услугу? Надеетесь ли вы при этом на сколько-нибудь значительный доход? Или же вы, миссис Грин, просто упрямо бредете своим путем, довольно плохо представляя себе, в каком, весьма отличном от нынешнего, мире мы, вероятно, будем жить в шестидесятые годы? Я, кстати сказать, частенько сожалею о том, что не существует никаких специальных курсов для желающих заняться малым бизнесом...

Очевидно, подобные курсы для банковских менеджеров уже существовали и вполне мистера Кибла устраивали, и он, оседлав знакомую тему, заговорил живее, опираясь на собственный немалый опыт. Он, в частности, упомянул о необходимости профессионального ведения бухгалтерии, о различных системах выплаты кредита и о том, как дорого обходятся порой упущенные возможности.

– ...Я бы хотел заострить ваше внимание, миссис Грин, на одном обстоятельстве, хотя с вами, по всей вероятности, ничего подобного еще не случалось; однако же подобную возможность никогда не упустит из внимания человек, обладающий более широким профессиональным кругозором. Я, собственно, имею в виду следующее. *Если в течение определенного периода времени приток денежных средств перестает соответствовать их оттоку, то нетрудно предсказать грядущие финансовые затруднения.*

Уж это-то Флоренс знала хорошо – с того самого дня, когда в шестнадцать лет, получив свою первую зарплату, стала сама себя содержать. Но от резкого ответа мистеру Киблу она все же удержалась. Господи, куда подевалось ее благоразумие? Ведь она была готова к подобным вопросам и собиралась реагировать на них спокойно и тактично – во всяком случае, пока шла через рыночную площадь к зданию банка, прочные кирпичные стены которого были поистине непреодолимыми для господствующих в данной местности ветров.

– Что касается ассортимента книг, мистер Кибл, то, как вам уже известно, мне предложена возможность купить почти все, что необходимо, у Мюллера, поскольку они закрываются. – Она ухитрилась сказать эту фразу достаточно спокойно и твердо, хотя внутри у нее все же что-то дрогнуло – с такой силой вдруг нахлынули воспоминания. – Впрочем, точной калькуляции я пока не делала. А что касается стоимости самого Старого Дома и устричного сарая, то вы и сами сочли 3500 фунтов ценой вполне справедливой.

Однако, к ее удивлению, управляющий банком явно колебался.

– Но ведь этот дом простоял пустым много лет, – сказал он. – Впрочем, это проблема не моя, а вашего агента по продаже недвижимости и вашего адвоката – вами ведь Торнтон занимается, не так ли? – Последний был, собственно, упомянут ради красного словца, поскольку в Хардборо имелось всего два адвоката. – Хотя я бы, пожалуй, предположил, что стоимость данной собственности можно было бы еще немного понизить... Этот дом никуда бы от вас не ушел, если бы вы решились все же немного подождать... Знаете, дальнейшие разрушения... повышенная влажность...

– Ваш банк – единственное здание в Хардборо, где нет повышенной влажности, – преврала его Флоренс. – И вы просто привыкли целый день работать в таких условиях, а потому, наверное, и стали настолько требовательным.

– ...И потом, – продолжал мистер Кибл, – я слышал об иных предложениях – а моя деятельность позволяет мне судить о том, что подобные предложения вполне возможны, – относительно использования этого дома; хотя, конечно, всегда существует возможность перепродажи.

– Естественно, я хочу снизить расходы до минимума. – Управляющий банка приготовился понимающе улыбнуться, но удержался, поскольку Флоренс резко прибавила: – Но ни малейшего намерения впоследствии перепродать дом у меня нет. Я понимаю, это выглядит эксцентрично, когда женщина моего возраста совершает столь решительные шаги, однако я этот шаг уже совершила и назад пятиться не собираюсь. А на что еще, с точки зрения нашей общественности, годится Старый Дом? И почему в таком случае за последние семь лет никто в этом направлении никаких действий не предпринял? Да там половина черепицы отсутствует! А внутри галки гнездятся и жутко воняет крысами. Так, может, будет лучше, если люди смогут туда приходить, спокойно рассматривать книги и покупать их?

– Так вы о повышении культуры населения заботитесь? – В голосе управляющего послышалось и сожаление, и невольное уважение.

– Забота о повышении культуры – это для любителей. И я, разумеется, не смогу содержать магазин себе в убыток. Между прочим, Шекспир был профессиональным торговцем!

Подобные разговоры всегда вызывали у Флоренс слишком сильное волнение, зато она, по крайней мере, была способна испытывать к определенным вещам и любовь, и глубокий интерес. Почувствовав, что она нервничает, мистер Кибл миролюбиво посетовал, что чтение книг отнимает слишком много времени, а как раз времени-то ему постоянно и не хватает.

– Хотелось бы мне побольше свободного времени иметь. У людей, знаете ли, несколько превратное представление о работе банков. Считают, видимо, что банки вообще никогда не закрываются. Честно говоря, у меня крайне редко бывает возможность вечером просто отдохнуть. Только не поймите меня неправильно – я считаю поистине бесценным, когда на прикроватном столике лежит хорошая книга. А уж когда я в скором времени выйду на пенсию, то буду непременно прочитывать хотя бы несколько страниц, пока меня сон не сморит.

И Флоренс невольно подумала, что при такой скорости одной хорошей книги ему хватит более чем на год. А поскольку средняя цена книги – двенадцать шиллингов и шесть пенсов, то... Она вздохнула.

Мистера Кибла она знала не очень хорошо. Мало кто в Хардборо достаточно хорошо его знал. И хотя пресса и радио постоянно твердили, что в Британии наступили годы процветания, большинство жителей Хардборо по-прежнему испытывали нужду и в принципе избегали каких-либо контактов с банковским работником. Вылов сельди сократился, военно-морской флот больше не рекрутировал новобранцев, и вокруг было полно пенсионеров, живущих на грошовую пенсию. И уж эти-то люди точно не улыбались в ответ на улыбку мистера Кибла и не отвечали на его приветственный жест, когда он, поспешно опустив окно своего автомобиля «Остин-Кембридж», махал им, проезжая мимо. Возможно, именно поэтому он и беседу с Флоренс так затянул, хотя вряд ли эта беседа носила достаточно дело-

вой характер. Как раз наоборот. Мало того, с точки зрения мистера Кибла, они достигли неприемлемо личного уровня общения.

Флоренс Грин, как и мистера Кибла, жители Хардборо, скорее всего, относили к категории одиночек, что, впрочем, отнюдь не делало их фигурами исключительными: многие вокруг были одиноки. Владелец зоомагазина, набивщик чучел, резчик тростника, почтальон и житель болот мистер Рэвен – все они вечно уезжали куда-то на велосипедах, склоняясь под напором встречного ветра и вызывая всеобщее любопытство своими отъездами и приездами; в очередной раз появляясь на горизонте, они также давали людям возможность отсчитывать время. Впрочем, некоторые из этих одиночек даже и дом-то свой практически не покидали. Например, мистер Брандиш, потомок одного из древнейших семейств Саффолка. Он жил в своем старом доме абсолютно замкнуто, точно барсук в норе. А если в летнее время и выходил наружу, одетый в твид темно-зеленого или серого оттенка, то более всего напоминал куст утесника, странным образом движущийся на фоне густых зарослей этого растения, или земляную глыбу, возникшую среди наносных илистых отложений. А к осени мистер Брандиш и вовсе исчезал, словно уходя под землю. А его неприветливость, даже, пожалуй, грубоватость, вызывала у здешних жителей лишь легкое раздражение – примерно такое раздражение вызывает погода, которая еще утром была просто великолепной и обещала чудесный денек, но уже через пару часов стала пасмурной и дождливой.

Сам городок был как бы островом между морем и рекой, вечно что-то бормочущей и каждый раз словно съеживавшейся в преддверии холодов. Примерно раз в полвека Хардборо утрачивал – то ли по собственной беспечности, то ли по равнодушию – очередное средство связи с окружающим миром. К 1850 году перестала быть судоходной река Лейз, а причалы с паромными простыми тихо сгнили. В 1910 году окончательно развалился и упал в реку разводной мост, и с тех пор весь транспорт был вынужден делать крюк до Сэксфорда, ибо перебраться на другой берег можно было только там. В 1920 году закрылась старая железная дорога. Нынешние сыновья и дочери Хардборо, живущие как на побережье, так и на болотах, в большинстве своем вообще никогда на поезде не ездили и теперь поглядывали на заброшенную станцию *LNER*¹ с суеверным почтением. Постоянно дуящий ветер по-прежнему раскачивал еще сохранившиеся там ржавые полосы жести – рекламу жареного картофеля, какао и витаминов *Iron Jelloids*.

Великие наводнения 1953 года разворотили защитную дамбу, а море отчасти поглотило ее, и пересекать бухту в устье реки теперь стало опасно; это вообще можно было делать только во время отлива, так что единственным средством переправы через Лейз стала гребная шлюпка. Перевозчик каждый день писал мелом на двери своей хижины расписание переправы, вот только хижина его находилась на противоположном берегу, так что жители Хардборо никогда не могли быть полностью уверены, придет ли лодка и можно ли будет перебраться через реку.

После встречи с управляющим банка Флоренс, смирившись с тем фактом, что теперь все в городке знали, что она еще и в банке побывала, решила отправиться на прогулку. Каждый раз, еще не успев толком ступить на дощатые мостки, перекинутые через сточные канавы, она слышала шуршание и всплески – это бросались в воду, спасаясь бегством, маленькие неведомые ей существа. В небе над головой уверенно парили в потоках воздуха грачи и чайки. Ветер переменялся и дул теперь с моря в сторону суши.

Над болотами горой вздымалась местная свалка, а за ней тянулись убогие поля, годные только на то, чтобы фермеры использовали их для посадки зеленых изгородей. Флоренс показалось, будто кто-то окликнул ее по имени – точнее, она увидела, что кто-то ее зовет,

¹ London and North-Eastern Railway – Лондонская и Северо-Восточная железная дорога. – Здесь и далее примеч. пер.

поскольку все звуки мгновенно уносил прочь ветер. Приглядевшись, она поняла, что это Рэвен, житель болот, призывно машет ей, и крикнула в ответ:

– Доброе утро, мистер Рэвен! – Впрочем, он тоже вряд ли ее услышал.

Рэвен, если под рукой не оказывалось иной помощи, исполнял в Хардборо функции внештатного ветеринара. В данный момент он пас свой скот на муниципальном лугу – там за пять шиллингов в неделю мог это делать любой. На дальнем конце луга виднелся старый гнедой мерин Рэвена, «саффолкский пузан»². Изящно прядая ушами, мерин точно на шарнирах поворачивал их в ту сторону, где чувствовал появление на своей территории человеческих существ, к которым относился с определенной подозрительностью. Он явно стремился во что бы то ни стало удержать свои позиции и, поскольку ноги у него гнулись уже довольно плохо, на всякий случай прислонился к ограде.

Когда Флоренс оказалась метрах в пяти от Рэвена, она поняла, что он просит взаймы ее дождевик. Его собственный плащ настолько задубел, что его не так-то просто было с себя стащить даже при крайней необходимости.

Собственно, без крайней необходимости Рэвен никогда никого ни о чем и не просил. Он с благодарным кивком принял от нее плащ и, пока она, стараясь не замерзнуть, пряталась от ветра под прикрытием зеленой изгороди из терновника, неторопливо пересек луг, направляясь напрямик к напряженно ждавшему его старому мерину. Тот следил за каждым его движением, нервно раздувая ноздри, но был явно доволен уже тем, что уздечки в руках у Рэвена не было, а об остальном ему задумываться вовсе не хотелось. Но задуматься все же пришлось, и когда он понял, что к чему, по всему его телу от носа до хвоста пробежала сильная дрожь, сопровождаемая тяжким вздохом, и голова его безнадежно поникла. Рэвен завязал рукава принесенного дождевика у мерина на шее, но тот с независимым видом отвернулся, воплотив в этом жесте все свое презрение к грядущим страданиям, и притворился, будто высматривает молодую травку, проросшую на влажной земле под самой изгородью. Однако никакой травы там не оказалось, и в итоге мерин был вынужден все же неуклюже повернуться и, удаляясь от стада равнодушно пасшихся коров, последовать за хозяином на тот конец луга, где стояла Флоренс.

– Он что, заболел, мистер Рэвен?

– Да не то чтобы заболел – просто зубы у него стерлись от старости. Ест-ест, а проку никакого. Сорвать-то траву он может, а растереть ее в кашу не в состоянии.

– И как же ему помочь? – снова спросила Флоренс, охваченная деятельным сочувствием.

– Ну, я могу попытаться подпилить ему зубы и немного их выровнять. – Рэвен подал Флоренс ее плащ и вытащил из кармана уздечку. Она сразу принялась одеваться, отвернувшись от ветра и стараясь застегнуться поплотнее. Рэвен взнуздal коня, провел его немного вперед и попросил Флоренс: – Не могли бы вы, миссис Грин, язык ему немного попридерживать? Кого другого я бы, пожалуй, и просить-то не стал, но вы, я знаю, не забойтесь.

– *Откуда* вы знаете? – лукаво спросила она.

– Говорят, вы книжный магазин открывать собираетесь. Уже одного этого хватит, чтобы понять: вы в своей жизни разные необычные вещи попробовать готовы.

Просунув палец мерину под челюсть, покрытую отвисшей морщинистой кожей, он на что-то нажал, и конь, словно зевнув, медленно разинул рот, показывая здоровенные желтые зубы. Флоренс обеими руками вцепилась в большой и очень скользкий темный лошадиный язык и, подобно китобоям былых времен, буквально повисла на нем, стараясь заставить коня полностью обнажить зубы. Мерин замер от ужаса и стоял, тихо потев и ожидая конца. И все продолжал нервно прядать ушами, словно выражая протест против очередной неспра-

² Suffolk Punch – особая порода лошадей-тяжеловозов, отличающихся высокой работоспособностью.

ведливости, уготованной ему судьбой. Рэвен между тем начал большим напильником подпиливать ему коронки коренных зубов.

– Держите крепче, миссис Грин. Не отпускайте. Уж я-то знаю, что язык у него скользкий, как грех.

Этот язык и впрямь извивался, словно был самостоятельным живым существом, и Флоренс с трудом его удерживала. Да и сам конь волновался, время от времени переступая ногами и ударяя в землю копытом, как бы проверяя, на этом ли свете он все еще находится.

– Он ведь не умеет... лягаться вперед? Да, мистер Рэвен?

– Умеет. Может и лягнуть, если захочет. – И она вспомнила, что «саффолкский пузан» способен абсолютно на все, кроме галопа.

– А почему вы считаете книжный магазин чем-то необычным? – Ей пришлось кричать, чтобы ее слова не унес ветер. – Разве люди в Хардборо не хотят покупать книги?

– Они перестали хотеть чего-то необычного, – сказал Рэвен, продолжая подпиливать мерину зубы. – Они, например, куда чаще покупают обыкновенную соленую селедку, а не слегка подкопченную, которая обладает более нежным вкусом. Хотя вы, осмелюсь утверждать, наверняка скажете, что книги не следует относить к категории необычных вещей.

Наконец мерина отпустили на свободу, и он, тяжело вздохнув, так уставился на своих мучителей, словно они навсегда лишили его каких бы то ни было иллюзий. Из глубин своего благородного нутра он исторг бесстыдный звук, напоминавший скорее пение трубы, чем горна, и постепенно сменившийся негромким, похожим на короткий смешок ржанием. Затем конь встряхнулся, и над ним, точно над старым матрасом, подвергнутому выбиванию, поднялись клубы пыли. Стряхнув с себя вместе с пылью и все мучившие его проблемы, мерин рысцой отбежал от людей на безопасное расстояние и, опустив голову, принялся щипать траву. Через минуту он заметил невдалеке пучок ярко-зеленого дудника и буквально ринулся к нему, пожирая молодую зелень с жадностью маньяка.

Рэвен успокоил Флоренс, сказав, что старый мерин вскоре совсем об этой «операции» забудет и пойдет на поправку. Сама Флоренс, правда, была отнюдь не уверена, что тоже сумеет так скоро об этом позабыть, но испытывала чувство гордости в связи с оказанным ей доверием – доверие в Хардборо оказывалось далеко не всякому и далеко не каждый день.

Глава вторая

Тот дом, который вознамерилась приобрести Флоренс, свое название – Старый Дом – получил не просто так. Впрочем, в Хардборо вряд ли хоть один из домов можно было бы назвать новым – если, конечно, не считать того района на северо-западе, который уже наполовину был застроен муниципальными домами. Многие городские здания были возведены еще в девятнадцатом, а то и в восемнадцатом веке, однако ни одно из них не могло идти ни в какое сравнение со Старым Домом; старше был только Холт-хаус, тот дом, в котором обитал мистер Брандиш. Старый Дом был построен пять веков назад из смеси глины, соломы и веток, но с прочными дубовыми балками; своей способностью пережить любое наводнение он был обязан глубокому, постоянно затопляемому подвалу, куда вела основательная каменная лестница со множеством ступенек. В памятном 1953 году, например, этот подвал оказался на семь футов залит морской водой, и уровень ее стал снижаться лишь после того, как стихла последняя атака наводнения. Впрочем, определенное количество воды так в подвале и осталось.

В передней части дома размещалась просторная гостиная, а в задней – кухня; единственная спальня была наверху под «ломаным» потолком. Сарай для разведения устриц, продававшийся вместе с домом, к самому дому не примыкал, а находился от него на расстоянии двух улиц, на берегу; этот сарай Флоренс надеялась впоследствии использовать под книжный склад. Но, как оказалось, штукатурку на стенах сарая удобства ради замешивали на песке, взятом прямо на пляже, а морской песок, как известно, никогда до конца не просыхает. Так что любые книги, оставленные в этом помещении, уже через несколько дней покоробились бы и покрылись плесенью от избыточной влаги. Впрочем, то, что Флоренс была несколько разочарована своим приобретением, вызвало по отношению к ней необычный прилив теплых чувств со стороны других владельцев магазинов. Ведь они заранее знали, что так и будет, и, конечно, могли бы ее предупредить – но только в том случае, если бы она сама обратилась к ним за советом. Теперь же, чувствуя, что в моральном и интеллектуальном отношении перевес явно на их стороне, они дружно принялись желать Флоренс удачи.

Мало того, практически всем, кто достаточно долго прожил в Хардборо, было известно, что в Старом Доме, который Флоренс приобрела в «свободное владение», водятся привидения. Тема привидений вообще была в городе одной из излюбленных. Например, на старом причале в сумерках не раз видели фигуру некой женщины, которая стояла там и ждала возвращения сына, утонувшего более ста лет назад. Однако Старый Дом посещали не столь трогательные призраки. Он был явно заражен полтергейстом, и это в сочетании с повышенной влажностью и нерешенным дренажным вопросом как раз и служило причиной того, что эту собственность всегда было так трудно продать. Закон никоим образом не обязывал агентов по продаже недвижимости упоминать о наличии в Старом Доме полтергейста, но они порой все же намекали потенциальным покупателям на нечто подобное, роняя фразы типа «иногда в доме царит несколько необычная атмосфера».

Полтергейсты в Хардборо обычно называли «постукачами»³. Такой «постукач» мог годами изводить хозяев шумом и безобразными выходками, а потом вдруг надолго затихнуть. Однако любой человек, когда-либо слышавший подобные звуки, – у Флоренс они каждый раз вызывали одно и то же ощущение: словно некое существо отчаянно пытается выбраться наружу, но никак не может этого сделать, – всегда безошибочно их узнавал. «Ваш «постукач» сегодня снова в моих гаечных ключах копался», – без малейшего упрека сооб-

³ От англ. *polter* – издавать стук, постукивать.

щал Флоренс водопроводчик, когда она приходила посмотреть, как продвигаются ремонтные работы. И ящик со слесарными инструментами действительно был перевернут, все его содержимое разбросано, а бледно-голубые кафельные плитки для ванной с симпатичным рисунком в виде водяных лилий приходилось потом собирать не только на лестнице, но и в верхнем коридоре. Да и у самой ванной комнаты с частично разобранными и не присоединенными водопроводными трубами вид был какой-то встревоженный, словно она невольно стала свидетельницей чего-то в высшей степени необычного. Когда водопроводчик, крайне благожелательно к Флоренс относившийся, пошел пить чай, она сперва захлопнула дверь ванной, затем выждала несколько мгновений и, резко распахнув дверь, снова туда заглянула. «Господи, – подумала она, – если бы кто-нибудь увидел меня сейчас, то наверняка решил бы, что я спятила!» Впрочем, слово «спятила» в Хардборо было не в ходу, там чаще говорили «была не в себе», а, например, выражение «он серьезно болен» заменяли фразой «он неважно себя чувствует». «Пожалуй, и я в итоге «буду не в себе», если так будет продолжаться», – сказала Флоренс водопроводчику. Но водопроводчик, мистер Уилкинс, считал, что она это испытание вполне выдержит.

В таких случаях Флоренс особенно не хватало добрых друзей ее юности, с которыми она когда-то работала в книжном магазине Мюллера. Когда она, явившись на работу, стянула с руки замшевую перчатку и продемонстрировала коллегам новенькое обручальное кольцо с крошечным бриллиантом, то в списке желающих участвовать в покупке свадебного подарка для нее оказалось прямо-таки умильное количество подписей; почти столь же длинным был и список добровольных жертвователей, когда в самом начале войны ее муж Чарли умер от пневмонии в импровизированном приемном пункте для размещения беженцев. Но теперь она давно уже утратила связь почти со всеми девушками, некогда работавшими в бухгалтерии, в отделе рассылки и за прилавком; но, когда ей наконец удалось отыскать их адреса, она вдруг поняла: ей не хочется даже думать о том, что и они теперь такие же старые, как она.

Это, однако, вовсе не означало, что в Хардборо у Флоренс было мало знакомых. Ее, например, всегда очень привечали в ателье «Рода». Однако ее доверчивость особого уважения не вызывала. А потому хозяйка ателье «Рода» – то есть Джесси Уэлфорд, – которую Флоренс попросила сшить ей новое платье, недолго колебалась, прежде чем начать болтать об этом направо и налево, высказывая свое мнение и даже показывая всем принесенную Флоренс ткань.

– Это будет платье для приема в Имении у Генерала и миссис Гамар. По правде сказать, сама-то я вряд ли выбрала бы что-то красное. У них ведь там будут гости даже из Лондона.

Флоренс никак не ожидала, что ее пригласят в Имение. У нее с миссис Гамар было лишь шапочное знакомство – они, правда, всегда приветливо кивали друг другу и улыбались, встречаясь на том или ином благотворительном мероприятии, – и приглашение на прием Флоренс приписала проявлению уважения к ее будущим книгам, хотя из Лондона не прибыло еще даже малой части заказанного ею товара.

Как только Сэм Уилкинс наладил работу водопровода и укрепил ванну настолько, что и сам остался доволен проделанной работой, а на крыше заменили всю разбитую черепицу, Флоренс Грин храбро покинула прежнюю квартиру и, прихватив немногочисленные пожитки, переселилась в Старый Дом. Но даже после того, как кафельная плитка с рисунком в виде водяных лилий вновь вернулась на стены ванной, дом по-прежнему производил впечатление места, где спокойно жить попросту невозможно. По ночам продолжали раздаваться странные звуки, более всего напоминавшие полтергейст, хотя все ранее неисправные водопроводные трубы теперь замолкли. Но для чего, скажите, нужны смелость и терпение, если их никогда не подвергать испытаниям? Флоренс надеялась только, что «постукач» не станет

ей мешать во время примерки нового платья, которое должна была принести Джесси Уэлфорд. Однако ордалия так и не состоялась: Флоренс получила от Джесси записку с просьбой прийти на примерку к ней в ателье, находившееся в соседнем доме.

– По-моему, это все-таки не мой цвет, – растерянно повторяла Флоренс, вертясь перед зеркалом. – Как вы его называли? Рубиновый? – Ей было приятно слушать, как Джесси называет этот оттенок «скорее гранатовым или даже темно-терракотовым». И все же что-то не удовлетворяло Флоренс в том отражении, которое – пусть даже в платье цвета терракоты или граната – мелькало в зеркале. – И сзади, по-моему, сидит не очень хорошо... Хотя, может, если я попытаюсь большую часть времени простоять, подпирая спиной стену...

– Платье отлично сядет, как только вы его немного поносите, – твердо возразила портниха. – И потом, любое платье следует украшать аксессуарами, дабы основное внимание сосредоточилось именно на них.

– Вы уверены? – спросила Флоренс. Примерка нового платья становилась, похоже, чем-то вроде тайного заговора, нацеленного на то, чтобы никто самого платья даже не заметил.

– Осмелюсь утверждать, что у меня, так или иначе, куда больше опыта в подобных вещах, чем у вас. Уж я-то знаю, как следует одеваться для вечернего выхода в свет, – сказала мисс Уэлфорд. – Я ведь, знаете ли, люблю играть в бридж, но здесь у нас играть, собственно, не с кем, а потому я дважды в неделю езжу во Флинтмаркет. Ставка по утрам, конечно, маленькая, но по вечерам она удваивается. К тому же вечером, разумеется, необходимо вечернее платье.

Джесси отошла на пару шагов, заслонив собой зеркало, затем вернулась на прежнее место и снова стала что-то перекалывать и подправлять. Но Флоренс отлично понимала: никакими поправками ничего не изменишь – она так и останется невзрачной, да и росту ей это не прибавит.

– Лучше бы мне вовсе на этот прием не ходить! – вырвалось у нее.

– Ну что вы! Я бы, например, с удовольствием на вашем месте оказалась и ни за что отказываться бы не стала. Жаль только, что миссис Гамар предпочитает еду заказывать из Лондона, а впрочем, все наверняка будет организовано как полагается – во всяком случае, не нужно будет стоять и пересчитывать сэндвичи. А вы, когда там окажетесь, даже не думайте беспокоиться о том, как выглядите. Да к вам никто и не станет так уж приглядываться; и потом, вы в любом случае вскоре поймете, что знаете почти всех присутствующих.

Но Флоренс чувствовала, даже совершенно точно знала, что все будет совсем не так. И эти опасения полностью оправдались. Во-первых, в Имении не оказалось прихожей – такой, где обычно оставляют пальто и шляпы, по которым можно сразу догадаться, кто уже пришел, прежде чем решиться самой войти в гостиную. Там был настоящий холл со стенами, отделанными панелями из полированного вяза, и уже в холле чувствовалось теплое дыхание дома, который понятия не имел, что такое холод. Флоренс мельком глянула на себя в зеркало, куда более роскошное, чем в ателье «Рода», и подумала, что лучше бы она это красное платье все-таки не надевала.

Прямо перед собой она увидела дверь, ведущую в очень красивую комнату с бледно-зелеными стенами – этот цвет был по-прежнему весьма рекомендован в георгианском обществе, – и из этой комнаты доносились незнакомые голоса. Флоренс обратила внимание на множество фотографий в серебряных рамках, которые стояли и на рояле, и на многочисленных маленьких столиках; по этим фотографиям можно было отчасти представить себе те весьма разветвленные семейные связи, благодаря которым Вайолет Гамар имела доступ к столь могущественным персонам, какие обитателям Хардборо даже не снились. Муж Вайолет, которого все называли исключительно Генералом, бродил из комнаты в комнату, откры-

вая всевозможные дверцы и ящики с таким видом, словно никак не мог найти то, что оправдывало бы эти его шатания. В 1950-е годы на лондонской сцене шло множество пьес, в которых отдельные персонажи только и делали, что входили или выходили из разных дверей, потом исчезали и появлялись лишь в заключительном акте часа три спустя. Генерал отлично вписался бы в такую пьесу. Он кружил, изображая радостное оживление и на всякий случай улыбаясь, среди столов с закусками и, видимо, не терял надежды, что вскоре его услуги, хотя бы на несколько минут, все же понадобятся, ведь в любом случае открывать шампанское – дело совсем не женское.

Среди гостей Флоренс не заметила ни управляющего местным банком, ни викария, ни даже своего адвоката, мистера Торнтон, ни второго городского адвоката, мистера Друэри, услугами которого она никогда не пользовалась. Она, правда, узнала спину «благочинного» – старшего священника нескольких соседствующих приходов, – но все остальные были ей совершенно не знакомы. Этот прием был устроен для знати графства и для особо важных гостей из Лондона. И, как справедливо догадывалась Флоренс, ей лишь со временем удастся узнать, почему же и она оказалась в числе приглашенных.

Генерал явно испытал облегчение, заметив эту маленькую женщину, не имевшую никакого отношения ни к родственникам его жены, ни к высокопоставленным гостям из Лондона, наводившим на него страх, и тут же принес Флоренс большой бокал шампанского, с удовольствием наполнив его из только что откупоренной бутылки, – впрочем, он уже успел откупорить не менее дюжины таких бутылок. Генерал полагал, что если эта особа не имеет никакого отношения к его жене, то, подойдя к ней, он вряд ли совершит грубый просчет. Ему так и не удалось догадаться, кто же она такая, хотя он был почти уверен, что где-то видел ее раньше. Флоренс, словно читая его мысли, – что было вовсе не трудно, поскольку беседу Генерал вел, то и дело спотыкаясь, будто осторожно преодолевал одно затруднение за другим, – сама в итоге сообщила ему, что она и есть тот самый человек, который собирается открыть в Хардборо книжный магазин.

– Ах, вот в чем дело! Ну, теперь мне наконец все стало ясно! Значит, вы подумываете об открытии книжного магазина. Вайолет это очень заинтересовало. Она намекала, что хочет переговорить с вами и высказать кое-какие собственные идеи. Думаю, чуть позже она непременно изыщет такую возможность и подойдет к вам.

Флоренс казалось, что «изыскать такую возможность» миссис Гамар могла бы в любой момент, поскольку она здесь хозяйка. Впрочем, она и не думала обманывать себя насчет собственной значимости. Она, собственно, решила вообще ни о чем не думать и с удовольствием сделала несколько глотков шампанского, после чего мелкие тревоги этого суматошного дня сразу куда-то незаметно улетели, словно подхваченные золотистыми, слегка покалывавшими язык пузырьками вина.

Она ожидала, что Генерал, сочтя свой долг хозяина выполненным, отойдет от нее, но он почему-то медлил.

– Какого типа книги вы намерены продавать у себя в магазине? – спросил он.

Флоренс растерялась, не зная, что ему ответить.

– Сейчас ведь в книжных магазинах редко встретишь поэтические сборники, не так ли? – продолжал Генерал. – Мне, во всяком случае, они там почти не попадаются.

– Поэзия в каком-то количестве у меня, безусловно, представлена будет, – сказала Флоренс. – Хотя она продается не так хорошо, как некоторые другие книги. Впрочем, мне нужно время, чтобы окончательно разобраться, какие именно книги мне следует заказать.

На лице Генерала было написано явное удивление. Ему даже в звании младшего офицера не требовалось много времени, чтобы запомнить всех людей «своего войска».

– «Легко стать мертвым. Скажите лишь: они мертвы». Вы знаете, кто написал эти строки?

Флоренс ужасно хотелось бы сказать «да, знаю», но, увы, она не могла. Глаза Генерала, в которых мерцал огонь ожидания, погасли. Он явно и раньше не раз пытался получить ответ на этот вопрос, но тщетно. И он сам назвал ей имя автора, но столь тихим голосом, что ей лишь с трудом удалось его расслышать в волнах того шума, который с шипением и стуком накатывался на них со всех сторон.

– Чарлз Сорли...⁴

Флоренс сразу поняла, что этот Сорли, должно быть, погиб, и спросила:

– Сколько ему было лет?

– Сорли? Двадцать. Он служил в Девонширском полку – его еще называют *Swedebashers*⁵, он, как известно, в основном из жителей Саффолка состоял, – 9-й батальон, рота В. И погиб в сражении под Лусом в 1915-м. Останься он жив, ему сейчас было бы шестьдесят четыре. Как мне. Вот почему я все время вспоминаю беднягу Сорли.

Наконец Генерал, шаркая ногами, удалился, и его тут же поглотила толпа гостей, становившаяся все более шумной и оживленной. А Флоренс опять осталась одна. Вокруг нее были люди, наверняка хорошо знавшие друг друга и общавшиеся по-свойски, как родственники; кое-кто из них был даже запечатлен на тех фотографиях в серебряных рамках. Кто же все они такие? Флоренс, собственно, ничего против них не имела, прекрасно понимая, что и эти люди тоже, наверное, растерялись бы, если бы, например, случайно попали в отдел рассылки огромного книжного магазина Мюллера. И тут вдруг у нее за спиной раздался бархатный голос какого-то, явно молодого мужчины, который произнес: «А я знаю, кто вы такая. Вы, вероятно, и есть миссис Грин».

Ему бы не следовало так говорить, подумала Флоренс, пока он не удостоверился, что его тоже узнали; впрочем, она его, конечно же, узнала сразу. Да любой житель Хардборо тут же с гордостью мог сообщить, что этот человек такой, поскольку все знали, что он работает в Лондоне, ездит туда на автомобиле и имеет самое непосредственное отношение к телевидению. Это был Майлоу Норт из Нельсон-коттеджа, что на углу Бэк-лейн. Каковы были его функции на телевидении, никто толком не знал, но в Хардборо привыкли к тому, что никогда нельзя с точностью сказать, чем именно люди занимаются в Лондоне.

Майлоу Норт был высок ростом и шел по жизни легко, не совершая особых усилий для своего продвижения. Впрочем, чтобы произнести: «Я знаю, кто вы такая. Вы, вероятно, и есть миссис Грин», ему все же потребовалось определенное усилие, а он не привык к бессмысленным тратам даже столь малого количества энергии. То, что представлялось в нем особой изысканностью и утонченностью, было на самом деле всего лишь умением ловко избегать любых сложностей и неприятностей; а то, что многие воспринимали как сочувствие или симпатию, было всего лишь инстинктивным стремлением предотвратить любые сложности и неприятности еще до того, как они возникнут. Трудно было даже представить себе, как подобный человек воспримет неизбежный процесс старения. Его эмоции, практически не востребуемые и не имеющие возможности как-то себя проявить, успели атрофироваться. Но, как он недавно обнаружил, природное умение приспособиться и любопытство служили ему ничуть не хуже эмоций.

– Ну и я, разумеется, знаю, кто вы такой, мистер Норт, – сказала Флоренс, – хотя никогда раньше и не получала приглашений в Имение. А вот вы, полагаю, бываете здесь достаточно часто.

⁴ Чарлз Сорли (1895–1915) – британский армейский офицер и шотландский поэт, участник Первой мировой войны, был убит в сражении при Лусе в 1915 г. Его произведения были опубликованы посмертно в 1916 г.

⁵ Сельские жители, деревенщина (англ., разг.).

– Да, меня часто сюда приглашают, – подтвердил Майлоу и тут же принес ей еще бокал шампанского. Флоренс почувствовала, что благодарна ему: ведь она была уверена, что теперь, после ухода Генерала, так и будет торчать тут одна в полной неопределенности.

– Спасибо, вы очень добры.

– Не очень, – возразил Майлоу, редко говоривший что-либо кроме правды. Обходительность – это и впрямь отнюдь не доброта. Текучая натура Майлоу осторожно пробовала и отыскивала в людях их слабые места, а потом, украдкой проникнув к ним в душу и почувствовав, что вполне устроилась, начинала действовать в своих интересах. – Вы ведь живете одна, не так ли? И недавно совершенно самостоятельно переехали в Старый Дом? А вы никогда не задумывались о том, чтобы снова выйти замуж?

Флоренс смутилась. У нее было такое ощущение, словно она, подобно некоему судну, зашита тихим голосом этого молодого человека в далекой заводи, где почти не слышны громкие голоса гостей, оставшихся далеко за спиной. Там, в этой шумной толпе, даже время, казалось, двигалось быстрее. Да и блюда с сэндвичами, украшенными петрушкой, которые были полны, когда она вошла в зал, теперь уже опустели, и на них виднелись лишь жалкие крошки.

– Раз уж вы спросили, – сказала она, – я вам отвечу так: в замужестве я была очень счастлива. Сперва мы с мужем работали вместе, но потом он перешел в Управление торговли – это было еще до того, как оно стало министерством, – и вечером, вернувшись домой, он часто рассказывал мне о своей работе.

– И вы были счастливы?

– Да. Я очень его любила. И старалась понять, в чем заключается его работа. Меня порой просто поражает, до чего некоторые супруги друг другу не подходят. Ведь должно же у них быть что-то общее, какие-то интересы.

Майлоу посмотрел на нее внимательнее.

– А вы уверены, что вам дали добрый совет, предложив самостоятельно заняться бизнесом? – спросил он.

– Я никогда ранее не была с вами знакома, мистер Норт, но мне всегда казалось, что вы с вашей профессией должны были бы приветствовать появление в Хардборо книжного магазина. Вы ведь, наверное, работаете в редакции Би-би-си и с писателями общаетесь, и с философами, и с другими интересными людьми. Вот я и надеюсь, что когда-нибудь все эти люди и к нам в Хардборо заглянут – с вами познакомиться и свежим воздухом подышать.

– Если бы они вдруг и впрямь сюда *заглянули*, я бы просто не знал, что мне с ними делать. Писатели, впрочем, готовы ехать куда угодно, а вот насчет философов я не уверен. Хотя Кэтти отлично сумела бы о них позаботиться.

Кэтти – это наверняка та темноволосая девушка, что носит красные чулки (или, может, колготки, ведь теперь, говорят, колготки легко купить в Лоустофте и Флинтмаркете, хотя в Хардборо их до сих пор не сыскать) и живет с Майлоу Нортом. Они, собственно, единственная в городе пара, не состоящая в браке, но открыто живущая вместе. Впрочем, Кэтти – всем в Хардборо было известно, что она тоже работает на Би-би-си, – приезжала сюда только три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, что, по мнению здешних жителей, делало ее поведение чуть более пристойным.

– Жаль, что Кэтти не смогла сюда прийти, – сказал Майлоу.

– Но ведь сегодня среда! – не удержавшись, воскликнула миссис Грин.

– А я и не сказал, что ее нет дома. Я сказал всего лишь, что она, к сожалению, не смогла присутствовать на этом приеме. А не смогла она потому, что я ее с собой не взял. Мне показалось, что ее появление может вызвать совершенно излишние неприятности.

Миссис Грин подумала, что этому молодому человеку следовало бы иметь больше мужества и до конца отстаивать свои убеждения. Она считала, что они с Кэтти в известной

степени бросают вызов устоям старого мира. И, будучи гораздо старше их, имела полное право за них беспокоиться.

– В любом случае вы непременно должны заглянуть ко мне в магазин, – сказала она. – Я буду на вас рассчитывать.

– Ни в коем случае, – откликнулся Майлоу.

Потом нежно взял ее за локотки, слегка встряхнул и задушевным тоном спросил:

– А почему вы сегодня вечером надели красное платье?

– Оно не красное! Это цвет граната или темной терракоты!

И тут к ним подошла миссис Вайолет Гамар, постоянная «патронесса» всех общественных мероприятий в Хардборо. Несмотря на то что до этого она стояла к ним спиной, она все же ухитрилась заметить, как Майлоу встряхнул Флоренс, однако решила, что это просто проявление свойственной художественным натурам вольности и, стало быть, не является столь уж неуместным в ее гостиной. Кстати, у нее как раз выдалась минутка, чтобы сказать миссис Грин пару слов. Она объяснила, что весь вечер пытается это сделать, но ее, увы, все время кто-то перехватывает, поскольку ее дом, похоже, посетило «просто невероятное количество гостей». Впрочем, прибавила она, с большинством она может повидаться и в любое другое время. А вот миссис Грин она хотела непременно сегодня же сказать, что все жители Хардборо наверняка очень благодарны ей за это новое и весьма рискованное начинание, за умение предвидеть будущие потребности общества и за предприимчивость.

Миссис Гамар рассыпала похвалы с некой щедрой настойчивостью, не сводя с Флоренс своих ярких блестящих глаз, которые, казалось, некий внутренний механизм постоянно держит распахнутыми до предела.

– Бруно! Вас представили моему мужу? Бруно, поди сюда и скажи миссис... миссис... как все мы рады с ней познакомиться!

И Флоренс испытала какую-то странную готовность немедленно и охотно посвятить всю свою жизнь служению миссис Гамар.

– Бруно!

Генерал тем временем пытался привлечь к себе внимание гостей, демонстрируя всем царапину на руке, возникшую в результате его борьбы с проволокой, которой была перекручена пробка на очередной бутылке шампанского, что ему пришлось откупорить. Он каждому показывал свою «рану» и, надеясь вызвать улыбку, называл себя «тяжелораненым», утверждая, что «едва держится на ногах из-за потери крови».

– Не правда ли, Бруно, мы все просто Бога молили, чтобы у нас в Хардборо наконец появился хороший книжный магазин?

Бруно, чуть покачиваясь, подошел к ней: он был счастлив, что его подозвали.

– Разумеется, дорогая. Молиться вообще никогда не вредно. И, пожалуй, было бы замечательно, если бы все мы почаще это делали.

– Мне бы хотелось прояснить только один момент, миссис Грин... Впрочем, это сушая ерунда, вы ведь еще по-настоящему не переехали в Старый Дом, не так ли?

– Переехала. Я уже больше недели там живу.

– О! Но ведь в этом доме даже воды нет!

– Есть. Мне Сэм Уилкинс весь водопровод в порядок привел.

– Не забывай, Вайолет, – с легким беспокойством заметил Генерал, – что ты почти все последнее время находилась в Лондоне и вряд ли могла оттуда уследить за всем, что тут у нас происходит.

– А почему бы мне, собственно, туда и не переехать? – Этот провокационный вопрос Флоренс задала самым легким тоном, на какой только была способна.

– Не смейтесь, но у меня, к счастью, есть некий дар – а может, просто инстинкт, – дающий мне возможность определять, соответствует тот или иной человек выбранному им

месту жительства или не соответствует. Вот, например, совсем недавно... хотя, боюсь, вы не сумеете ощутить глубокий смысл этого предчувствия, поскольку вряд ли знаете, о каких именно двух домах пойдет речь...

– Дорогая, а не могла бы ты и мне напомнить, какие дома ты имеешь в виду? – попросил жену Генерал. – Ну а потом я смог бы не спеша все объяснить миссис Грин.

– Это не важно. Вернемся лучше к вопросу о Старом Доме. Ведь это тот самый случай, где мой дар мог бы пригодиться. Я уверена, что сумела бы избавить вас не только от серьезных разочарований, но и, возможно, от излишних расходов. Я ведь действительно хочу вам помочь – собственно, это и служит мне извинением за все только что сказанное.

– Но никаких извинений, безусловно, и не требуется, – сказала Флоренс.

– Понимаете, в Хардборо имеется немало других домов с прилегающими пристройками и неплохим участком, которые во всех отношениях куда лучше подошли бы для книжного магазина. Вам, например, известно, что Дибн собирается закрывать свою лавку?

Разумеется, Флоренс знала, что Дибн, торгующий свежей рыбой, вот-вот свой магазин закроет. В Хардборо всегда и всем сразу становилось известно, где вскоре освободится дом, кто испытывает финансовые трудности, кому через девять месяцев может понадобится более просторное жилье, а кто готовится к смерти.

– Боюсь, мы слишком привыкли, что Старый Дом из года в год стоит пустым, а потому и откладывали реализацию своей давней задумки... вы, миссис Грин, заставили нас просто устыдиться собственной нерасторопности – ведь сами вы с такой быстротой оформили эту сделку... но теперь мы, пожалуй, даже огорчены столь внезапным превращением нашего Старого Дома в какой-то магазин... ведь столь многие из нас лелеяли мысль о превращении этого старинного здания в центр притяжения для жителей Хардборо – я имею в виду, разумеется, центр культуры и искусств...

Генерал, с напряженным вниманием слушавший ее речь, встал:

– Знаешь, Вайолет, за это и я бы с удовольствием помолился!

– ...И там, – продолжала Вайолет, – летом можно было бы слушать камерную музыку – нельзя же допустить, чтобы музыку слушали исключительно в Олдборо⁶, – а зимой лекции...

– Лекции у нас уже читают, – заметила Флоренс. – Наш викарий каждые три года повторяет курс лекций на тему «Живописный Саффолк». – Это, кстати сказать, были довольно приятные вечера – можно было слушать не слишком внимательно, любясь бесконечной чередой мелькающих перед глазами и навевающих сон цветных слайдов, подобранных без какой бы то ни было системы и абсолютно не подвластных монотонному рассказу викария.

– Нам бы следовало проявить большее честолубие в подобных вопросах – ведь летом в Хардборо приезжает так много гостей, и некоторые из них вынуждены преодолевать для этого весьма значительные расстояния. И потом, у нас в городе просто нет второго столь же старого дома, который давал бы правильное представление об истории этой местности. Вы ведь подумаете над моими словами, не так ли?

– Видите ли, – сказала Флоренс, – я ведь более полугода вела переговоры о покупке этого дома и никогда не поверю, чтобы об этом не было известно хотя бы кому-то из жителей Хардборо. Вообще-то я абсолютно уверена, что об этом знали все. – Она глянула на Генерала, как бы ожидая подтверждения, но тот на нее не смотрел; он не сводил глаз с пустых блюд, с которых уже исчезли все сэндвичи.

– И к тому же, – с еще большим напором продолжала миссис Гамар, словно не слыша Флоренс, – у нас теперь есть существенное преимущество, которое просто несправедливо было бы сбросить со счетов, а заключается оно в том, что нашлась просто великолепная

⁶ В городе Олдборо (графство Саффолк) музыкальные фестивали проводятся ежегодно; первый из них состоялся еще в 1948 г. по инициативе британского композитора, дирижера и пианиста Б. Бриттена (1913–1976).

кандидатура на пост руководителя подобного культурного центра. И этот человек, как мне представляется, мог бы взять на себя не только руководство самим центром, но и правильно ориентировать его посетителей в отношении литературы, живописи и музыки; он также мог бы послужить для нас вдохновляющим началом и во многих других прогрессивных тенденциях – например, в расчистке городской территории...

И миссис Гамар одарила миссис Грин такой сияющей улыбкой, в значении которой усомниться было просто невозможно. Однако сразу же после этого, не успев еще закончить фразу о «прогрессивных тенденциях», миссис Гамар ободряюще кивнула Флоренс и пошла от нее прочь, мгновенно растворившись в шумной толпе гостей. А на Флоренс вновь обрушилось ощущение неприятной заброшенности и абсолютной ненужности.

Оставшись в полном одиночестве, она, впрочем, медлить не стала и, пройдя через холл в маленькую гардеробную, принялась искать свое пальто. Методично роясь в грудях чужой одежды, Флоренс размышляла о том, что, в конце концов, она не так уж и стара, чтобы не справиться с двумя работами, а для книжного магазина можно нанять помощника, чтобы самой иметь возможность заниматься самообразованием; ей ведь наверняка придется прослушать несколько курсов – и по истории изобразительного искусства, и по истории музыки; впрочем, музыку она всегда очень любила и неплохо в ней разбиралась, а вот познакомиться, хотя бы поверхностно, с историей искусств нужно будет обязательно, и это, по всей видимости, будет связано с регулярными поездками в Кембридж.

Выйдя из дома, Флоренс увидела над головой чистое ночное небо; где-то далеко за болотами на реке Лейз мелькали необыкновенно яркие в прозрачном воздухе огоньки рыболовных судов, поджидавших отлива. Но было холодно, лицо пощипывал морозец.

«Как это мило с их стороны предложить мне такое, – думала Флоренс. – Только я, наверное, показалась им несколько неловкой, вот они и не захотели долго со мной беседовать».

Как только она ушла, группы гостей тут же перестроились – в точности как те коровы на лугу, когда Рэвен отвел в сторону старого мерина. Теперь все здесь были одного поля ягоды, все смотрели в одну сторону и паслись вместе. Промеж себя эти люди могли решить очень многие проблемы, хотя зачастую принятые ими решения и возникали совершенно случайно. А потому, когда гости уже начинали понимать, что пора бы и честь знать, миссис Гамар по-прежнему их не отпускала: она была несколько раздражена и встревожена тем неожиданным препятствием, которое возникло на пути воплощения в жизнь ее планов относительно Старого Дома. Эта миссис Грин, хоть и держалась довольно скромно, так ни на что из предложенного ей согласия по-настоящему не дала. Впрочем, особого значения ее согласие и не имело. Несколько глотков шампанского, бокал которого ей принес все тот же Майлоу, взбодрили Вайолет Гамар, и она мысленно взлетела на поистине головокружительную высоту – в те круги, к которым принадлежали и второй муж ее кузины, имевший определенное отношение к Совету по искусствам⁷; и еще один, еще более дальний ее родственник, который вскоре должен был занять высокий пост в Министерстве планирования; и ее родной племянник, блестящий молодой человек, член парламента от оппозиции, выступавший за отделение Западного Саффолка и успевший приобрести известность в качестве весьма настырного секретаря Общества по обеспечению публичного доступа в места, представляющие интерес и художественную ценность; а также лорд Госфилд, который на этот раз все же решил выбраться к Вайолет на прием из своего замшелого замка на Болотах⁸, понимая,

⁷ Совет по искусствам Великобритании (*Arts Council of Great Britain*) был создан в 1946 г.; назначается и финансируется Министерством образования и науки; содействует развитию музыки, театра, литературы, живописи и скульптуры.

⁸ Болота (*Fens*) – низкая болотистая местность в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк.

что, если снова разразится эпидемия ящура, он в течение нескольких долгих месяцев вообще никуда выехать не сможет, — и вновь подняла тему создания в Хардборо музыкально-художественного центра. И все перечисленные выше представители высших кругов — и молодой племянник Вайолет, и ее кузен, и прочие — уже начинали понимать, что им в любом случае придется что-то сделать, иначе Вайолет ни за что от них не отстанет. Пробрало даже лорда Госфилда, хотя он за весь вечер не сказал практически ни слова и проехал, сам сидя за рулем автомобиля, сто с лишним миль исключительно ради того, чтобы помолчать в компании своего старого друга Бруно. Впрочем, все эти люди старались относиться к гостеприимной хозяйке дома по-доброму, ибо подобное отношение к ней значительно облегчало им жизнь.

Однако пришла пора расходиться по домам. Но большинство гостей, не уверенные в том, что помнят, куда они или их жены сунули ключи от машин, так и толклись в дверях, дружно утверждая, что не следует напускать в дом холоду, а старый пес Генерала, пребывавший во власти одной лишь мечты о прогулке и с нетерпением ожидавший, когда же наконец дверь окончательно распахнется, тихонько постукивал хвостом по сверкающему паркетному полу. Когда ключи были найдены, автомобили, разумеется, завести не пожелали, и возникла реальная перспектива того, что некоторые из гостей попросту вернутся в дом и останутся ночевать; однако с последней попытки двигателя все же завелись, и автомобили с ревом помчались прочь, а гости все еще что-то кричали и махали руками, высунувшись из окон, но потом наконец наступила тишина, и в этой тишине опять стал отчетливо слышен вой ветра, дувшего со стороны болот.

Глава третья

Утром на завтрак Флоренс приготовила себе селедку – какой смысл жить в Восточном Саффолке, не умея приготовить селедку! – два ломтика хлеба, масло и полный чайник чая. Ее кухня была расположена в задней части Старого Дома и являлась здесь, пожалуй, самой уютной и наиболее пригодной для общения комнатой с белыми оштукатуренными стенами; здесь было очень тихо, лишь слышались вздохи старого колодца с кирпичными стенками, вырытого прямо посреди кухни. Предыдущие обитатели дома считали, что им здорово повезло, ведь накачать воды из колодца они могли, не выходя из дома; но еще больше радости доставила им, видимо, установка настоящей раковины для мытья посуды, покрытой темно-желтой глазурью и глубокой, как саркофаг. Бронзовый кран, гордо сияя, подавал туда воду с большой глубины и холодную как лед.

В восемь часов Флоренс вытащила из розетки вилку электрического чайника и включила радиоприемник, который немедленно начал рассказывать о беспорядках на Кипре и в Ньясаленде, а потом тем же тоном сообщил, что продолжительность жизни в Великобритании теперь составляет 68,1 года для мужчин и 73,9 года для женщин, тогда как в начале века она равнялась соответственно 45,8 года и 52,4 года. Флоренс попыталась внушить себе, что это был весьма ободряющий факт. Но потом, услышав штормовое предупреждение судам – в Северном море бушевал циклон, и сильный северо-восточный ветер был готов превратиться в ураган, подняв высокую волну, – испытала почти стыд: ведь она-то преспокойно сидит в тепле, на кухне в собственном доме и ест вкусную селедку. Впрочем, она тут же устыдилась бессмысленности подобных переживаний. За окном кухни, выходящим на восток, уже виднелся знак штормового предупреждения, поднятый береговой охраной и хорошо заметный на фоне бледного неба, которое успело приобрести довольно странный, желтовато-зеленоватый оттенок.

К середине дня небо расчистилось. Теперь оно от края до края было безоблачным; лишь одно-единственное облако плыло высоко в небе, отражаясь в сверкающей воде болот, бесконечные мили которых раскинулись по обе стороны дамбы; казалось, это сами болота плывут между двумя одинаковыми облаками – одно сверху, другое внизу. Покончив со всеми необходимыми утренними делами, Флоренс решила немного пройтись и двинулась напрямик через муниципальный луг, сильно срезая путь. В начальной школе как раз началась вторая перемена, и дети высыпали на улицу. Мальчики держались отдельно от девочек; смешанные кружки образовывали только учащиеся выпускного класса, готовившиеся к экзаменам *eleven-plus*⁹. В полном одиночестве остался лишь какой-то малыш, и теперь он всюду ревел. Его явно отправили погулять, крест-накрест обмотав теплым шарфом, заколотым на спине булавкой; на руках у него были шерстяные варежки, для надежности пришитые к длинной резинке, пропущенной под воротником пальто. Малыш, видимо, ходил еще в детский сад, где группы смешанные, и не успел определиться, к кому стоит примкнуть – к девочкам или мальчикам. Флоренс, пытаясь его успокоить, ласково спросила:

– Ты, верно, из малышовой группы? Что же ты один-то на улице играешь? А может, ты заблудился? Тебя как зовут?

– Мелоди Гиппинг.

⁹ «Экзамен для одиннадцатилетних», по результатам которого принимается решение, в какой из трех типов школ учащийся продолжит свое образование: грамматической (*grammar*), средней современной (*secondary modern*) или технической (*technical*).

Значит, это девочка. Флоренс достала чистый носовой платок и высморкала юной Мелоди нос. И тут к ним, отделившись от девчачьего кружка, приблизилось юное существо, более всего похожее на отбившуюся от стада овцу с очень светлой шерстью.

– С ней все в порядке, мисс. Я – Кристина Гиппинг, а это моя сестренка, и я ее сейчас заберу. А носовые платки у нас и свои имеются – между прочим, салфетки «Клинекс» куда более гигиеничны, чем носовые платки.

И Кристина Гиппинг увела малышку. Мальчишки принялись развлекаться стрельбой друг в друга, и «убитые» тут же падали замертво. Девочки, образовав широкий круг, перебрасывались старыми теннисными мячами и пели:

Раз, два, пепси-кола,
Три, четыре, Казанова,
Пять, шесть, волос съесть,
Семь, восемь, мячик бросим,
Девять, десять, масло взвесить...

Флоренс повернула к югу, где линия горизонта скрывалась за темной полоской соснового леса. Там когда-то было настоящее царство цапель, но во время наводнения 1953 года весь лес затопило соленой морской водой, и цапли улетели, а потом больше в тех местах не гнездились.

В узкую калитку, выходящую на муниципальный луг – в эту калитку даже один человек мог протиснуться с трудом, – осторожно пробрался торговец-неудачник мистер Дибн, которого Флоренс, естественно, сразу узнала. Дибн шел через луг прямо к ней, на всякий случай украдкой поглядывая по сторонам. Она догадалась, что он, наверное, все это время тащился за ней по пятам, но очень старался, чтобы она его не заметила. И ему это, надо сказать, отлично удалось.

– Я насчет моей рыбной лавки, миссис Грин. Ее, конечно, выставят на аукцион, но не раньше апреля, а может, и позже. Так что мне было бы куда предпочтительней заранее лично с вами договориться. Поскольку вы вроде бы к моей собственности интерес проявляли... – И он, не давая Флоренс возможности вставить хоть слово и объяснить, что никакого интереса к его собственности она не проявляла, торопливо продолжил: – Только если вы не собираетесь в Старом Доме оставаться, но и наши места тоже покидать не хотите... в общем, самое оно вам насчет другого места подумать, и вы еще оцените, что недосуг мне внимание обращать на всякие слухи и сплетни, которые до моих ушей долетают...

«У него, должно быть, только собственные беды на уме, – думала Флоренс. – Вон как спешил меня перехватить – так и выскочил из магазина, не сняв ни свой ужасный вонючий комбинезон, ни эту жуткую соломенную шляпу, в каких все торговцы рыбой ходят». Однако невнятная и путаная речь мистера Дибна все же натолкнула ее на догадку, и она, уловив в итоге тайный смысл его предложений, поняла, *в чем* тут, собственно, дело. Это, впрочем, отнюдь не показалось ей странным; мало того, она почувствовала, что должна быть ему благодарна за то, что он невольно в форме предупреждения открыл ей столь очевидную истину.

– Видите ли, мистер Дибн, вы тут явно что-то недопоняли, но это не важно. Я с удовольствием помогу вам разобраться в данной ситуации. Миссис Гамар была так любезна, что изложила мне свой план создания в Хардборо культурного центра – что, не сомневаюсь, пошло бы всем нам только на пользу, – и она, насколько я поняла, ищет для этого центра подходящее помещение. А что может быть лучше, чем ваш рыбный магазин, который вот-вот освободится?

И Флоренс, не давая себе времени на дальнейшие раздумья и рассуждения, поспешила вежливо распрощаться с мистером Дибном и покинула муниципальный луг через ту же узенькую калитку, которая, как всегда, закрылась далеко не сразу. Затем она пересекла Хай-стрит, свернула направо у здания «Торговля хлебом и зерном», потом еще раз повернула направо и направилась к Нельсон-коттеджу. Подойдя ближе, она сразу увидела за окном нижнего этажа Майлоу Норта; он сидел за столом, накрытым скатертью в стиле пэчворк, и ровным счетом ничего не делал.

– Почему же вы сегодня не в Лондоне? – спросила она, постучав в стекло. Ее слегка раздражала абсолютная непредсказуемость повседневной жизни Майлоу.

– Сегодня я отправил на работу Кэтти. Входите же.

Он распахнул перед Флоренс парадную дверь. По сравнению с этой узкой и низенькой дверью – да и по сравнению с самим домом – Майлоу казался каким-то слишком высоким и крупным; собственно, и дом-то и своими размерами, и своими просмоленными, выкрашенными черной краской стенами больше напоминал рыбацкую хижину.

– Не угодно ли чашечку «Нескафе»?

– «Нескафе» я еще никогда не пробовала, – призналась Флоренс. – Только слышала о нем. Говорят, его даже кипятком заваривать не обязательно. – Она уселась в изящно изогнутое кресло-качалку и удивленно заметила: – Как вы здесь помещаетесь? Такая мебель, пожалуй, для вас маловата.

– Да знаю я, знаю. Но я так рад, что вы сегодня ко мне заглянули. Никто, кроме вас, никогда не заставляет меня посмотреть правде в глаза.

– Вот как? Ну и хорошо, потому что я как раз и пришла, чтобы задать вам один вопрос. Это ведь вас имела в виду миссис Гамар, когда во время приема в Имении упомянула о том, что у нее на примете есть идеальный руководитель для будущего культурного центра?

– Вайолет сказала это во время той вечеринки?

– Она, наверное, ожидала, что я тут же покину Старый Дом – на самом деле, попросту куда-нибудь переберусь, – и рассчитывала, что вместо меня там появятся вы и станете всем заправлять?

Майлоу некоторое время спокойно смотрел на нее прозрачными серыми глазами, потом сказал:

– Если Вайолет действительно имела в виду меня, то вряд ли она могла воспользоваться словом «заправлять».

Флоренс винила себя в тщеславии, самообмане и сознательно неверном толковании фактов. Она ведь всего лишь *продавец*: с какой стати кому-то могло бы прийти в голову, что она имеет отношение к искусству? Но, как ни странно, в течение нескольких дней после разговора с Майлоу она была почти готова сама сказать, что покидает Старый Дом. Подозревать себя в том, что она цепляется за свою собственность только по причине раненого тщеславия, было невыносимо. «Разумеется, вы, миссис Гамар – которую я никогда ни в разговоре, ни при прямом обращении не назову просто Вайолет, – тогда имели в виду именно Майлоу Норта, – думала Флоренс. – И вам хотелось немедленно поместить его в Старый Дом. Ведь мой маленький книжный бизнес можно перенести в любое другое место. Но я прошу вас лишь об одном: не торопитесь, не пренебрегайте уже заключенными мною договоренностями – у нас, в Восточном Саффолке, это не принято. Не то Кэтти – первые несколько лет по крайней мере – придется жить в сарае для разведения устриц».

Однако в более спокойные моменты она порой размышляла иначе, представляя, например, как все могло сложиться, если бы миссис Гамар и те, кто ее поддерживал, сумели договориться о выделении ей, Флоренс, небольшого правительственного гранта, а также вернули бы ту сумму, которую она отдала за право «свободного владения» Старым Домом,

плюс затраты на переезд и – по справедливости – приплатили бы немного сверху, тем самым открывая ей путь к рассмотрению новых возможностей. И пусть бы это осуществилось даже не в Саффолке, а может, даже и не в Англии, но у нее бы вновь возникло то, поистине драгоценное, *ощущение начала*, которое у людей ее возраста возникает далеко не часто. Да нет, это, конечно же, чистый абсурд – воображать, будто ее запросто могут выгнать из собственного дома и, воспользовавшись некими привилегиями, заставить перебраться в рыбную лавку Дибна!

Короче говоря, Флоренс решила на какое-то время просто закрыть на все глаза и, приговаривая перед собой, попытаться поверить, что люди отнюдь не подразделяются на хищников и травоядных, причем первые в любой момент явно доминируют, а последние покорно позволяют себя уничтожать. Сила воли бесполезна, если человек не обладает чувством направления, не имеет конкретной цели. А Флоренс к тому же казалось, что и силу воли она почти совсем утратила и не способна получить столь необходимый для выживания импульс.

Однако ее сила воли сумела возродиться вновь, и очень быстро, буквально в течение десяти минут. Причем без каких бы то ни было усилий со стороны самой Флоренс. Произошло это утром в последний вторник марта. Стояла на редкость странная погода, чем-то напоминая Флоренс тот день, когда она увидела, как цапля на лету пытается проглотить пойманного угря. Если вывешенное на просушку белье клонилось к западу на ветру, дувшем с моря, то лопасти ветряной мельницы на болотах, напротив, вращались с запада на восток, поймав другой ветер, наземный, дувший в противоположную сторону, и в этих противоборствующих воздушных потоках с наслаждением кружили черные грачи. Флоренс подъехала к зданию береговой охраны, откуда было рукой подать до Старого Дома, оставила в гараже свой маленький автомобильчик и, пройдя по коротенькому переулку, оказалась у своих задних дверей, ведущих на кухню.

Переулочек Скор-лейн был настолько узким, что казалось, будто при сильных порывах ветра кирпичные дома с черепичными крышами приваливаются друг к другу плечами, точно подвыпившие моряки, чтобы не упасть на землю. Заднюю дверь Старого Дома всегда приходилось открывать очень осторожно, иначе ворвавшийся сквозняк тут же гасил растопочный огонь, тлеющий в кухонной плите. Но когда Флоренс, повернув ключ в замке, чуть налегла на дверь плечом, дверь открываться не захотела.

Она сразу принялась обвинять в этом ржавые петли, сильно деформированную дверную панель и так далее, но, разумеется, дело было совсем не в двери. Попыткам Флоренс войти в дом явно противостояла некая, довольно мощная враждебная сила, которая то активизировалась, то затихала, но всякий раз успевала опередить хозяйку дома и вновь начинала сопротивляться ей с жестокой силой безумца. Если Флоренс делала шаг назад, дверь, слегка подрагивая, ждала, когда противник предпримет новое усилие. И все это время откуда-то из недр дома, особенно из задней его части, раздавался дробный стук. Точнее, даже не стук – больше всего эти звуки были, пожалуй, похожи на серию крошечных взрывов. Затем в какой-то момент, когда Флоренс, устав сражаться с упрямой дверью и пытаясь отдышаться, бесильно прислонилась к ней лбом, дверь вдруг резко подалась внутрь. Не удержавшись на ногах, Флоренс упала на четвереньки и оказалась в коридоре, больно стукнувшись коленями о кирпичный пол. А дверь тут же распахнулась настежь и принялась мотаться туда-сюда на ветру, точно рука, аплодирующая актерам, сыгравшим комический спектакль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.